

Николь Кидман:

“я вдруг ощутила себя в другой стране”

Одним из немногих журналистов — не только российских, — которым удалось пообщаться с Николь Кидман перед мировой премьерой «Догвилля» в Каннах, оказался Петр Шепотинник и его программа «Кинескоп». Газета предлагает не только полную версию этого интервью, но и рассказ о том, как оно происходило.

Первое, что я сделал из того, что было категорически запрещено, — дал Николь Кидман экземпляр **Газеты**. Десять (а то и больше) человек obsługi смотрели на этот невинный акт с ужасом, словно я всучил ей микробы какого-нибудь очередного «антракса». Однако обстановка, в которой само интервью проходило (строжайшая секретность: сюда нельзя, отсюда не выходить, говорите тише, там все слышно, зачем вы курите, ровно четыре минуты и т.д.), вселяла в меня диковатое ощущение полной безнадёги и ребяческого отчаяния в одном флаконе — будь что будет! И вот Кидман вертит в руках **Газету**, требуя комментариев...

А что тут, собственно, написано?

Заголовок следующий: «Я называю это страстью».

«Я называю это страстью»? Ничего так, мне нравится. Я всегда там, где страсть...

Прежде всего, спасибо за роль... (Следуют прочие сбивчивые комплименты ти-

па «в России вы богиня», «русские вас обожают», «когда ждать в гости?», но пора к делу.) Фильм Ларса — уникальный стилистический эксперимент, это театр в кино, кино в театре, и при этом — антитеатр и антикино. (Кидман вопросительно хмурится.) **Как вы себя ощущали — как на сцене или как на съемочной площадке?**

Я ощущала себя в мире Ларса. Вдруг ты куда-то воспаряешь, неожиданно для себя начинаешь вести какое-то возвышенное существование и сначала даже не понимаешь, откуда это пришло. Потом тебя озаряет догадка — это результат предельно откровенного разговора с Ларсом, в который он тебя втянул. Ведь он не просто и не только режиссер, он сам за камерой, при помощи которой он незаметно проникает в твою психику, словно ныряет в тебя, достает оттуда такое!

Можно ли назвать работу над этим фильмом более коллективной, чем обычно? Ведь фильм построен таким образом, что все актеры присутствуют на площадке почти постоянно.

Можно. Более того, ведь мы еще и жили все вместе. Я вдруг ощутила себя в другой стране, в Швеции, частичкой какой-то новой семьи. Для Ларса это было принципиально. Это было, знаете, как будто передвижной театр путешествует со спектаклем по городам и весям. Так и мы. Только все это нужно было перенести на экран.

Как личность фон Триера повлияла на вас, труден ли был процесс адаптации?

Поначалу было недоверие и с той, и с другой стороны. Но в какой-то момент совершился качественный скачок — все мгновенно заработало, возникла, в сущности, простейшая мысль: «Если мы хотим работать, главное — быть честными по отношению друг к другу». Я сказала Ларсу, что сделала свой выбор, он совсем не простой, но это уже ничего не значит. Ты можешь мне практически ничего не платить, но я в тебя верю, я действительно хочу быть частью твоего произведения. Но ты при этом должен обращаться со мной осторожно, не злоупотреблять моим доверием, потому что я — как это сказать? — предоставила тебе часть себя самой, и я прошу обращаться с этим нежно. Раз уж мы условились жить по этим законам, открылись друг другу, тогда главное, что нам нужно, взаимное доверие.

Вы действительно верите, что он боится летать на самолете, или это прихоть гения?

Еще как боится! Ларс — прихотливое сочетание множества разных вещей. Чего он только не боится: летать, водить, общаться с людьми, с миром. И в то же время он сильный, готовый на провокации человек, блистательная личность. Это сочетание качеств уникально, и я горда, что стала частичкой его мира. (Мне нервно машут — последний вопрос!)

Было ли для вас проблемой то, что ваша Грейс поневоле прячет все чувства внутри себя, она прячет гнев, страдания, и это как-то сужает спектр чувств, которыми приходится пользоваться?

Она действительно прячет все внутри себя, отчаянно пытается сохранить свою красоту и доброту, но все это внутри нее. Многие из нас часто попадают в подобные ситуации, и поэтому ее состояние, как мне кажется, прочитывается извне. Эта подспудная борьба рвется наружу, спорит с ее стремлением держать себя в тисках... Когда же окружающий ее мир целиком восстает против нее и не остается ничего, кроме предательства и трусости, — все рушится окончательно! — она впадает в своего рода кататонический транс... Мне знакомы такие состояния. Вам, думаю, тоже. (Мне делают знаки, чтобы я сворачивалась.)

Последний вопрос, точнее, просьба: нельзя ли (несу уже чушь невероятную) сказать несколько слов русской аудитории, которая так вас любит... Нет, нельзя... Что, собственно, я должна сказать?

Извините, ради Бога, нет так нет...

Хорошо, скажу. (И тут идет фраза, скорее всего почерпнутая из небогатого словесного арсенала ее героини — русской дури Софьи из фильма «Именинница».) И я тебя люблю.